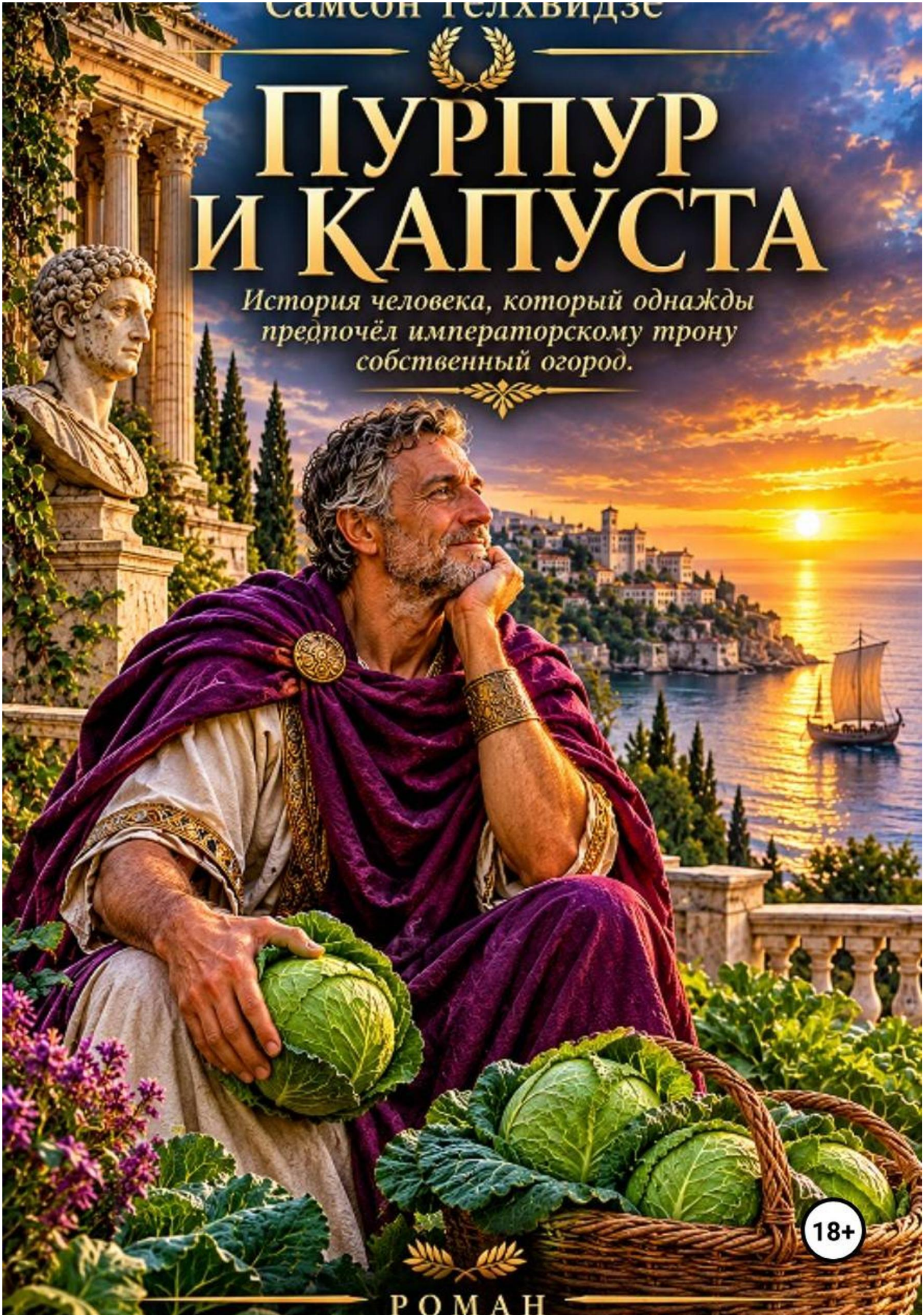

Самсон Гелхвидзе
Пурпур и капуста
История человека, который однажды предпочёл императорскому трону собственный огород.
18+
Роман

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПУРПУР И КАПУСТА – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПУРПУР И КАПУСТА – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«ПУРПУР И КАПУСТА» — исторический роман о Диоклетиане, одном из самых необычных правителей поздней Римской империи.В центре произведения — не только политические преобразования, военные кампании и создание тетрархии, но прежде всего человек, которому пришлось нести ответственность за судьбу огромного государства. Перед читателем проходит эпоха заговоров, соперничества, предательства и поиска нового порядка, в которой даже победители не всегда знают, что делать с доставшейся им властью.В романе показано противопоставление двух миров: императорского пурпура и простого человеческого желания жить без дворцовых интриг, приказов и бесконечной борьбы за первенство.Это произведение о цене власти, о хрупкости доверия и о праве человека однажды выбрать собственную жизнь вместо истории, которая требует от него всё новых жертв.Главный вопрос романа остаётся с читателем и после последней страницы: что делает человека великим — способность завоевать мир или мужество однажды от него отказаться?

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПУРПУР И КАПУСТА – (роман)

ПУРПУР И КАПУСТА – (роман)

История человека, который однажды предпочёл императорскому трону собственный огород.

ПРОЛОГ
КАПУСТА, КОТОРАЯ ОКАЗАЛАСЬ ДОРОЖЕ ИМПЕРИИ

Дворец у моря. Далматинское побережье. Начало IV века.

Капуста в этом году уродилась на славу.

Старик долго стоял возле грядки, разглядывая тугие, налитые соком кочаны, и улыбался так, словно только что одержал победу в сражении, о котором никто, кроме него, не знал. На широких листьях ещё блестели капли утренней росы. Земля пахла влагой, солнцем и чем-то удивительно знакомым, что невозможно было бы выразить ни одним из тех слов, которыми пользовались при дворе.

Он осторожно приподнял один кочан, проверил его плотность и удовлетворённо кивнул.

— Вот это урожай! Такого у меня не было даже в прошлом году.

Рядом стоял молодой слуга с корзиной. Он давно привык к тому, что хозяин мог провести возле грядок больше времени, чем прежде проводил за государственными делами. Иногда старик разговаривал с растениями, сердился на сорняки, спорил с садовником о поливе и даже запрещал кому-либо срезать овощи без его разрешения.

Но сегодня он был особенно доволен.

— Господин, — осторожно сказал слуга, — посланники снова прибыли.

Старик не сразу обернулся.

— Какие ещё посланники?

— Из Рима.

Он выпрямился. Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Опять?

— Они просят принять их. Говорят, дело чрезвычайное.

Старик посмотрел на корзину, потом на грядку.

— Всё у них чрезвычайное. Когда я был там, они боялись обычных решений. Теперь, когда меня нет, им кажется чрезвычайным даже отсутствие человека, который должен принимать эти решения.

Он взял нож и срезал самый крупный кочан.

— Отнеси это на кухню. Пусть приготовят обед. И передай посланникам, что я занят.

Слуга замялся.

— Но они настаивают.

— А я, кажется, тоже.

Старик направился к каменной скамье под деревом. Там, в тени, стоял небольшой деревянный столик. На нём лежала раскрытая книга, рядом находился глиняный кувшин с водой и кусок хлеба, завёрнутый в чистую ткань.

Он сел, налил себе воды и некоторое время смотрел на море.

Когда-то от одного его слова могли прийти в движение легионы. Когда-то люди ждали его решения, затаив дыхание, а правители далёких земель старались угадать, что он думает и чего желает. Теперь же его главным заботливым делом была земля, которую следовало вовремя полить, и капуста, которую нельзя было оставить без присмотра.

И странное дело: впервые за много лет он не чувствовал себя обязанным кому-то что-либо доказывать.

Впрочем, это было не совсем так.

Он всё ещё иногда просыпался среди ночи, прислушиваясь к тишине. Ему чудилось, что где-то далеко, за морем, снова спорят военачальники, что гонцы скачут по дорогам, что в залах дворца ждут его появления. Иногда он даже вставал и подходил к окну, словно собирался немедленно отправиться туда, где его присутствие могло изменить ход событий.

Но затем видел море.

И оставался.

В этот момент из дворца вышел пожилой слуга. Он служил здесь давно, ещё с тех времён, когда хозяин жил совсем другой жизнью. В руках он держал небольшую деревянную шкатулку.

— Господин, это принесли вместе с письмами.

Старик посмотрел на шкатулку.

— Что там?

— Я не знаю. Но её велели передать лично вам.

Он открыл крышку.

Внутри лежало детское украшение — маленькая бронзовая фигурка птицы, потемневшая от времени. К ней была привязана узкая полоска ткани, на которой неровными буквами было выведено несколько слов:

«Ты обещал, что однажды вернёшься».

Старик замер.

Он долго не двигался, словно перестал замечать и сад, и море, и человека, стоявшего рядом. Потом осторожно коснулся бронзовой птицы пальцем.

— Откуда это?

— Привезли из Рима. Больше ничего не сказали.

Старик закрыл шкатулку.

— Оставь меня.

Слуга поклонился и отошёл.

Старик сидел неподвижно. Перед ним лежала капуста, ради которой он ещё минуту назад был готов спорить с целым миром. Теперь она казалась ему чем-то далёким и незначительным.

Он вспомнил давнее обещание. Не то, которое давал сенату, армии или народу. Те обещания давно растворились в годах, войнах и бесконечных человеческих притязаниях. Он вспомнил другое — тихое, данное однажды человеку, который не просил ни власти, ни богатства, ни славы.

И которое он так и не сумел исполнить.

Старик опустил голову.

Всю жизнь он думал, что самое тяжёлое для человека — потерять власть. Потом понял, что гораздо страшнее потерять тех, ради кого когда-то хотел стать сильным. Но теперь, когда власть осталась далеко позади, он обнаружил ещё одну истину: иногда можно вернуться домой, можно снова увидеть море, посадить дерево, вырастить капусту, но нельзя вернуться в тот день, когда кто-то ещё ждал тебя у двери.

Из дворца донёсся голос посланника:

— Мы просим вас вспомнить Рим! Без вас империя может погибнуть!

Старик поднял голову. Несколько мгновений он молчал, потом спокойно ответил:

— Вы всё ещё думаете, что империя держится на одном человеке? Странно. Когда я был там, вы убеждали меня, что без вас она не устоит. Теперь убеждаете, что без меня не устоит. Неужели за все эти годы вы так и не научились жить самостоятельно?

Посланник опустил глаза.

— Но Риму нужен ваш опыт. Ваш разум. Ваша власть…

Старик посмотрел на него, затем перевёл взгляд на сад.

— Если бы вы знали, какая капуста уродилась у меня в этом году в огороде, вы бы не просили меня возвращаться к управлению империей.

Посланник не нашёлся с ответом. Возможно, он решил, что бывший правитель шутит. Но старик не смеялся. Он действительно был счастлив, глядя на свои грядки, и в этом счастье было что-то такое, чего не могли понять люди, привыкшие измерять жизнь властью.

— Передайте в Рим, — добавил он после паузы, — что я благодарен им за память обо мне. Но у меня здесь есть дела, которые я не намерен откладывать.

Посланник поклонился. Он ещё надеялся услышать другие слова, увидеть сомнение, хотя бы малейший признак того, что просьба достигла цели. Но перед ним сидел человек, который уже принял своё решение.

Старик поднялся, взял шкатулку и направился во дворец. У входа он остановился и оглянулся на сад. На грядки, на влажную землю, на зелёные листья, которые тянулись к вечернему солнцу. Здесь всё продолжало жить своим чередом, пока где-то далеко рушились прежние порядки, менялись правители и гибли человеческие надежды.

Он долго смотрел на сад, а потом тихо произнёс:

— Хоть ты дождалась моего возвращения…

И никто из тех, кто находился во дворце, не понял, что в эту минуту он говорил не о капусте и даже не о земле. Он говорил о покое, который искал всю жизнь и который, наконец, обрёл, хотя цена этого покоя оказалась гораздо выше, чем он когда-либо предполагал.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПОД ЗНАКОМ РИМСКОГО ОРЛА

В последние десятилетия III века Римская империя всё больше напоминала старого воина, который ещё способен поднять меч, но уже не уверен, что сумеет опустить его без посторонней помощи.

Её границы простирались от Атлантического океана до земель, лежавших за Евфратом, от северных лесов Британии до жарких провинций Африки. Дороги связывали города, торговые суда бороздили Средиземное море, легионы охраняли рубежи, а императорские чиновники продолжали исправно требовать налоги. Внешне всё свидетельствовало о могуществе государства, которому, казалось, не существовало равных.

Но за этим величием скрывалась тревога.

Императоры сменяли друг друга, как командиры во время проигранного сражения. Одни погибали в битвах, другие становились жертвами заговоров, третьих убивали собственные солдаты. Армия, которая прежде служила опорой государства, постепенно превратилась в силу, способную по собственному усмотрению создавать и уничтожать правителей.

В Риме всё ещё говорили о величии предков, о сенате, законах и вечности империи. Но на военных дорогах солдаты уже давно научились понимать истинную цену этих красивых слов.

Императором мог стать тот, за кем стояли легионы.

И всё же даже легионы не гарантировали ему долгой жизни.

В одной из далматинских областей, неподалёку от Адриатического побережья, жил человек, которому предстояло пройти через все эти испытания. Его звали Диокл. О его детстве сохранилось немного достоверных сведений. Позднейшие авторы расходились даже в рассказах о происхождении его семьи. Известно, однако, что он не принадлежал к знатному римскому роду и не получил по наследству ни богатства, ни высокого положения.

Возможно, именно поэтому военная служба показалась ему наиболее естественным путём к самостоятельности.

Он не был первым и не стал последним юношей, который покидал родные места ради армии. Но мало кто из тех, кто отправлялся по этой дороге, мог предположить, насколько далеко она способна привести человека.

Армия быстро избавляла от юношеских иллюзий. Здесь не спрашивали, насколько красивы мечты солдата. Здесь требовали выполнять приказ, сохранять строй, переносить холод, голод и усталость. Здесь человек мог годами оставаться незаметным, а затем за один поступок приобрести известность, которую не смогли бы купить за всю жизнь богатые люди.

Диокл учился внимательно смотреть на окружающих.

Он замечал, что хороший командир отличается от плохого не громкостью голоса, а способностью сохранять ясность мысли в самый опасный момент. Он видел, как храбрые солдаты погибали из-за чужой самоуверенности, как осторожные люди спасали целые подразделения и как иной раз судьба военного соединения зависела от одного человека, вовремя заметившего ошибку.

Однажды во время длительного перехода молодой офицер, сопровождавший подразделение, спросил его:

— Ты всегда такой молчаливый?

— Не всегда.

— А когда говоришь?

Диокл посмотрел на дорогу.

— Когда есть что сказать.

Офицер усмехнулся:

— С такими привычками ты никогда не станешь любимцем начальства.

— Я не собираюсь становиться любимцем.

— А кем собираешься?

Диокл помолчал.

— Хорошим воином.

— И всё?

— Для начала достаточно.

Тогда собеседник рассмеялся, не подозревая, что спустя годы этот молчаливый военный станет человеком, перед которым будут склоняться правители.

Впрочем, до этого было ещё далеко.

Диоклетиан, каким мы знаем его по позднейшей истории, не возник из пустоты. Он постепенно приобретал опыт, знакомился с устройством империи, наблюдал за сменой правителей и видел, как личные амбиции превращались в государственные катастрофы.

Особое впечатление на него должны были производить события, происходившие после смерти Аврелиана.

Этот император сумел восстановить единство Римской державы, вернув под контроль центральной власти отколовшиеся территории. Он укрепил оборону Рима, одержал победы над внешними противниками и продемонстрировал, что даже после долгого периода смуты государство способно собраться с силами.

Но в 275 году Аврелиан погиб от рук заговорщиков.

Затем последовали краткие правления Тацита и Флориана, а в 276 году императором стал Проб.

Проб был опытным военачальником и человеком большой энергии. Он добивался успехов на границах, укреплял дисциплину и стремился восстановить хозяйственную жизнь провинций. Однако его попытки заставить солдат заниматься общественными работами вызывали недовольство армии.

В 282 году он погиб во время мятежа.

На престол возвели Кара.

Новый император был человеком решительным. Он понимал, что государство нуждается в военных победах, и вскоре направил основные силы на восток, против Персидской державы.

Вместе с ним отправились его сыновья Карин и Нумериан.

В это время Диокл уже находился на достаточно высоком положении. В 282 году он занимал должность наместника Мёзии, а позднее получил командование подразделением, обеспечивавшим охрану императора.

Это назначение изменило его положение.

Теперь он находился рядом с людьми, от которых зависела судьба империи. Он видел, как принимались решения, слышал разговоры о военных планах, наблюдал за отношениями между отцом и сыновьями, за поведением чиновников и военачальников.

Особенно внимательно он присматривался к Карину.

Старший сын императора обладал высоким положением и не испытывал недостатка в людях, готовых выполнять его распоряжения. Но его характер, насколько можно судить по поздним свидетельствам, не располагал к нему окружающих. Его обвиняли в жестокости, несправедливости и чрезмерной привязанности к удовольствиям.

Нумериан производил иное впечатление. Он был человеком образованным, интересовался литературой и философией, но ему недоставало самостоятельного военного авторитета.

Однажды, когда императорская свита остановилась на отдых, Диокл оказался свидетелем разговора между двумя молодыми приближёнными.

— Карин считает, что после отца всё достанется ему, — заметил один.

— А разве это не так? — спросил другой.

— Нумериан тоже сын императора.

— Но Карин старше.

— Старшинство ещё не делает человека мудрее.

Диокл, проходивший неподалёку, невольно улыбнулся.

Первый собеседник заметил это.

— Тебе смешно?

— Нет.

— Тогда чему улыбаешься?

— Вспомнил одну вещь.

— Какую?

— Иногда два человека спорят о том, кому достанется дом, забывая, что дом ещё принадлежит их отцу.

Офицер засмеялся, но второй посмотрел на Диокла с заметным раздражением.

— Ты слишком свободно рассуждаешь о семье императора.

— Я ничего не сказал о семье императора.

— Но мы поняли.

— Тогда вам, вероятно, больше нечего понимать.

Он ушёл, оставив собеседников продолжать разговор уже без него.

Восточный поход Кара оказался успешным. Римские войска продвинулись в Месопотамию и достигли Ктесифона, столицы персов. Для Рима это была серьёзная победа, способная укрепить авторитет императорской семьи.

Однако судьба распорядилась иначе.

В 283 году Кар погиб во время похода. Обстоятельства его смерти описывались по-разному. Одни рассказывали о внезапном ударе молнии, другие упоминали болезнь или иные причины. Достоверно установить, что произошло в его шатре, невозможно.

Но для армии это означало одно: император умер, а войска оказались далеко от привычных баз.

Нумериан принял на себя управление восточной армией. Карин сохранил власть на западе.

Казалось, что семейное разделение обязанностей позволит избежать борьбы за престол. Но Диокл уже видел достаточно, чтобы не питать иллюзий.

Власть редко остаётся семейным достоянием, когда за неё готовы сражаться тысячи вооружённых людей.

Однажды вечером, когда он стоял у входа в императорский шатёр, к нему подошёл пожилой военный, служивший ещё при Аврелиане.

— Что думаешь о нашем положении? — спросил тот.

— О каком именно?

— О том, что у нас теперь два правителя.

— Пока два правителя не мешают друг другу, у нас нет проблемы.

— А если начнут?

Диокл посмотрел на старого офицера.

— Тогда проблема появится у всей империи.

— Ты всегда так осторожен?

— Я предпочитаю думать до того, как придётся действовать.

Старик кивнул.

— Хорошая привычка. Только помни: иногда судьба не даёт человеку времени подумать.

Диокл не ответил.

Вскоре ему предстояло убедиться в справедливости этих слов.

Войска двинулись обратно на запад. Нумериан страдал от болезни глаз и некоторое время путешествовал в закрытых носилках. Приближённые уверяли солдат, что императору требуется покой и что вскоре он снова сможет появляться перед армией.

Но дни проходили, а государь так и не показывался.

Диокл всё чаще замечал тревогу среди офицеров.

— Почему император не выходит к войскам? — спросил он однажды у Аррия Апра, префекта претория, который сопровождал Нумериана.

Апер был человеком влиятельным, уверенным в себе и привыкшим распоряжаться другими. Он не любил, когда его расспрашивали.

— Государь болен.

— Насколько серьёзно?

— Это не твоё дело.

— Я отвечаю за безопасность императора.

— Тогда занимайся безопасностью, а не лечением.

Диокл внимательно посмотрел на него.

— Если император не может говорить с войсками, кто отдаёт приказы от его имени?

— Я.

— А кто удостоверяет, что эти приказы действительно исходят от него?

Апер приблизился.

— Послушай, Диокл. Твоя задача — охранять государя. Не пытайся стать его советником.

— Я и не пытаюсь.

— Тогда запомни своё место.

Диокл молча поклонился.

Но после этого разговора он стал ещё внимательнее следить за происходящим.

Что-то было не так.

И вскоре армия узнала страшную правду.

ГЛАВА ВТОРАЯ
КОГДА ПУРПУР ОКАЗАЛСЯ БЛИЖЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

Сначала это был запах.

Неприятный, тяжёлый, неуместный среди военного лагеря, где пахло кожей, металлом, дымом и конским потом.

Солдаты, находившиеся неподалёку от закрытых носилок императора, переглядывались. Уже несколько дней они слышали, что государь продолжает болеть, но теперь даже самые терпеливые начали сомневаться в правдивости этих объяснений.

Один из ветеранов остановил проходившего мимо слугу.

— Скажи, когда мы в последний раз видели императора?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Я выполняю распоряжения.

— А кто их отдаёт?

Слуга опустил глаза.

— Префект Апер.

Старик сплюнул на землю.

— Значит, император болен, а распоряжается его тесть.

Слуга поспешил уйти.

В лагере нарастало беспокойство.

Когда командиры потребовали объяснений, Апер попытался сохранить прежний порядок. Он уверял, что Нумериан жив, что болезнь не позволяет ему появляться перед войсками и что армия должна продолжать движение.

Но терпение солдат иссякло.

Наконец носилки осмотрели.

Нумериан был мёртв.

Всё произошло настолько неожиданно, что даже люди, привыкшие к смерти, на некоторое время потеряли способность говорить.

Перед ними лежал человек, которого ещё недавно приветствовали как императора. Его имя чеканили на монетах, его распоряжения исполняли провинциальные наместники, а его безопасность считалась важнейшей обязанностью целой армии.

Теперь его тело стало предметом подозрений и политической борьбы.

Диокл подошёл ближе.

Он смотрел на неподвижное лицо Нумериана и пытался понять, сколько времени прошло с момента смерти.

— Когда это случилось? — спросил он.

Никто не ответил.

— Я спрашиваю, когда умер император.

Апер стоял неподалёку. Его лицо было напряжённым, но он пытался сохранять самообладание.

— Государь скончался от болезни.

— Когда?

— Это уже ничего не изменит.

Диокл медленно повернулся к нему.

— Для мёртвого, возможно. Для живых — ещё как изменит.

— Осторожнее с выражениями.

— Я хочу знать, почему армия несколько дней находилась в неведении.

— Я действовал в интересах государства.

— Тогда почему не показал императора?

Апер посмотрел на окружающих.

— Потому что он был болен!

— А теперь?

Префект промолчал.

Вокруг них уже собирались командиры. Никто не желал оставаться в стороне от происходящего. Каждый понимал, что речь идёт не просто о смерти правителя. Если Нумериан был убит, то виновный должен был ответить. Если же его смерть скрывали ради захвата власти, то армия могла оказаться перед лицом нового заговора.

Апер оказался в крайне опасном положении.

По позднейшей традиции именно его обвиняли в убийстве Нумериана. Насколько это обвинение соответствовало действительности, установить невозможно. Но подозрения были настолько сильными, что префекту уже не удавалось сохранить прежнее влияние.

Военачальники собрались на совет.

Обсуждение было непростым. На западе находился Карин, законный соправитель и сын покойного Кара. Но восточная армия не желала просто ждать его распоряжений, особенно после смерти Нумериана при столь загадочных обстоятельствах.

Нужен был человек, которому доверяли солдаты.

И тогда прозвучало имя Диокла.

Сначала он не поверил, что речь идёт о нём.

— Почему я? — спросил он одного из старших командиров.

— Потому что ты знаешь армию.

— Другие тоже знают.

— Потому что тебе доверяют.

— Доверие — слишком опасная вещь, чтобы принимать его без размышления.

Командир усмехнулся.

— Ты хочешь отказаться?

Диокл посмотрел на него.

— Я хочу понять, что именно мне предлагают.

— Империю.

— Империя — это не подарок.

— Именно поэтому мы и предлагаем её тебе.

Диокл некоторое время молчал.

Перед ним внезапно открылась перспектива, о которой он, возможно, никогда не мечтал всерьёз. Человек, происходивший из скромной далматинской среды, мог стать правителем величайшего государства своего времени.

Но он понимал и другое: согласие означало вступление в борьбу, из которой невозможно было выйти простым отказом.

20 ноября 284 года в Никомедии Диокл был провозглашён императором.

Позднее он станет известен под именем Гай Аврелий Валерий Диоклетиан.

В этот день перед ним поставили знаки верховной власти. Пурпурная одежда, почётные титулы, приветствия военных — всё то, что прежде принадлежало другим людям, теперь предназначалось ему.

Согласно поздней традиции, после провозглашения Диоклетиан публично заявил, что не причастен к гибели Нумериана. Затем он обвинил Апра в убийстве прежнего государя и собственноручно поразил его мечом.

Мы не знаем, насколько точно поздние авторы передали эту сцену. Но её драматизм вполне соответствует тому политическому положению, в котором оказался новый император.

Представим себе этот момент.

Перед собравшимися стоял человек, которому ещё недавно приходилось исполнять распоряжения других. Теперь от его слова зависели жизни тех, кто вчера мог отдавать ему приказы.

Апер находился рядом.

— Ты обвиняешь меня? — спросил он, стараясь не показать страха.

— Я обвиняю тебя в том, что ты скрывал смерть императора.

— Я защищал государство от беспорядка.

— Государство не нуждается в защите от правды.

— Ты не знаешь, что произошло!

— Тогда объясни.

Апер посмотрел на командиров.

— Здесь слишком много людей, которые хотят услышать не правду, а удобный ответ.

Диоклетиан приблизился.

— Возможно. Но теперь я должен решить, кому из них доверять.

Дальнейшие события античная традиция связывает с гибелью Апра от руки Диоклетиана.

Так закончилась история одного из наиболее влиятельных людей прежнего императорского окружения.

Но для нового государя это было лишь началом.

На западе продолжал править Карин.

Он не собирался признавать власть человека, избранного восточной армией. Более того, он располагал значительными военными силами и считал себя законным наследником отцовского престола.

Когда весть о смерти Нумериана достигла его двора, Карин пришёл в ярость.

— Кто позволил им выбрать другого императора? — спросил он у приближённых.

Один из советников осторожно ответил:

— Восточная армия решила действовать самостоятельно.

— Самостоятельно? Пока я жив?

— Они утверждают, что им нужен правитель, которому можно доверять.

Карин резко повернулся.

— И они нашли его в человеке, который вчера ещё охранял моего брата?

— Такова их воля.

— Воля солдат! — Карин ударил ладонью по столу. — Они уже забыли, кому обязаны своим положением?

— Армия всегда помнит только того, кто способен её вести.

Карин долго смотрел на советника.

— Ты хочешь сказать, что я не способен?

— Я хочу сказать, что война может стать неизбежной.

Император отвернулся.

Он понимал, что уступить означает потерять всё. Но и выступить против Диоклетиана было опасно. Восточная армия обладала значительной силой, а новый претендент, судя по всему, пользовался уважением военных.

Вскоре Карину пришлось столкнуться ещё с одной проблемой: на западе возник другой претендент на власть, Юлиан, связанный с управлением Италией и областью Венетия. Карин направил против него войска и сумел устранить соперника.

Но эта победа не решила главного вопроса.

Диоклетиан двигался навстречу.

Весной 285 года армии встретились у реки Марг, в Мёзии.

Накануне сражения Диоклетиан долго не мог уснуть. Он вышел из шатра и остановился неподалёку от лагерных костров.

Ночь была холодной. Вдали слышалось ржание лошадей, тихие голоса часовых, звон оружия, которое готовили к предстоящему бою.

К нему подошёл один из командиров.

— Государь, вы не отдыхаете?

— А ты?

— Я привык спать перед сражением.

— Значит, тебе повезло больше, чем мне.

Командир улыбнулся.

— Вы сомневаетесь в победе?

— Я сомневаюсь в людях, которые слишком уверены в ней.

— У нас хорошие войска.

— У Карина тоже.

— Но у нас лучший командующий.

Диоклетиан посмотрел на него.

— Не говори так громко. Солдаты могут услышать и решить, что победа уже состоялась.

Командир рассмеялся.

Но государь продолжал смотреть в темноту.

— Знаешь, что самое опасное в гражданской войне? — спросил он.

— Что, государь?

— Даже победив, ты можешь обнаружить, что потерял половину того, что собирался защищать.

Утром началась битва.

Римские войска столкнулись с римскими же легионами. На обоих флангах развевались знакомые знамёна, звучали одинаковые команды, а люди, которые ещё недавно могли служить в одном лагере, теперь пытались убить друг друга.

Сражение было ожесточённым.

По некоторым свидетельствам, армия Карина первоначально имела преимущество. Но ход битвы изменился из-за событий внутри его собственного лагеря. Карин был непопулярен среди части военных, и его отношения с командирами давно стали напряжёнными.

Лояльность, которая прежде казалась прочной, оказалась ненадёжной.

В решающий момент Карин погиб.

Античная традиция связывала его смерть с предательством собственных солдат и личной местью одного из офицеров. Согласно одной версии, Карина убил трибун, чью жену император прежде соблазнил. Другие свидетельства подчёркивают, что войско отвернулось от правителя, чьё поведение давно вызывало ненависть.

Как бы то ни было, сопротивление прекратилось.

Диоклетиан победил.

Когда ему доложили о смерти Карина, он некоторое время молчал.

— Значит, всё закончилось? — спросил один из командиров.

— Нет.

— Но противника больше нет.

— Противника нет. А империя осталась.

Он посмотрел на поле, где среди разбитых повозок, павших лошадей и человеческих тел лежали знамёна обеих армий.

— Сколько погибло?

Командир назвал приблизительное число.

Диоклетиан опустил голову.

— И всё это ради того, чтобы один человек сменил другого?

— Такова цена власти, государь.

— Нет, — тихо ответил он. — Это цена человеческой глупости, которую мы привыкли называть политикой.

В тот день Диоклетиан стал единовластным правителем Римской империи.

Но победа не принесла ему покоя.

Перед ним лежало государство, которое слишком долго зависело от случайностей, военных мятежей и личных амбиций. Империя нуждалась в порядке, а порядок невозможно было обеспечить одним только мечом.

Ему предстояло изменить саму систему управления.

И тогда, возможно впервые после восшествия на престол, он подумал не о том, как удержать власть, а о том, как сделать так, чтобы после него империя не оказалась в руках очередного случайного победителя.

Он ещё не знал, что однажды разделит власть с человеком, которому будет доверять почти как самому себе.

И ещё меньше мог представить, что спустя двадцать лет добровольно откажется от всего, ради чего сегодня проливалась кровь.

Пока же он был императором.

И пурпурная мантия, которую он надел, оказалась гораздо тяжелее, чем ему казалось в тот день, когда армия приветствовала его имя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПОБЕДА, КОТОРАЯ НЕ ПРИНЕСЛА ПОКОЯ

Победа над Карином не сопровождалась тем торжеством, которого можно было ожидать от человека, только что получившего в свои руки судьбу Римской империи. Не было ни долгих празднеств, ни беспечных пиров, ни ощущения, что самое трудное осталось позади. Войско праздновало победу, военачальники поздравляли друг друга, в лагерях звучали песни, но Диоклетиан словно не слышал всего этого. Он знал цену победе, потому что слишком долго наблюдал, как вчерашние победители становились завтрашними мертвецами.

Его шатёр стоял неподалёку от лагеря. Вечером, когда военные приготовления наконец стихли, император остался один. Перед ним лежала карта империи, испещрённая отметками, названиями провинций и линиями границ. Он долго смотрел на неё, словно пытался увидеть не реки и дороги, не горы и города, а тех людей, которые жили по обе стороны этих рубежей и даже не подозревали, насколько близко к их домам подступила беда.

Вошёл офицер, служивший при нём ещё во время восточного похода.

— Государь, военачальники ожидают твоего решения.

— Какого именно?

— Что делать дальше. Войско хочет знать, куда направляться.

Диоклетиан поднял глаза.

— А ты сам как думаешь?

Офицер немного замялся.

— После такой победы следовало бы вернуться в Рим.

— Следовало бы, — повторил Диоклетиан. — А что мы там найдём?

— Сенат. Народ. Признание твоей власти.

— Признание? — Диоклетиан усмехнулся. — Ты говоришь так, будто признание способно остановить варваров на Дунае или заставить персов забыть о наших восточных провинциях.

— Но Рим остаётся столицей.

— Рим остаётся символом, — поправил его император. — А символы не всегда умеют управлять действительностью.

Офицер промолчал.

Диоклетиан вновь наклонился над картой.

— Посмотри сюда. Здесь Галлия. Здесь Рейн. Здесь Дунай. А дальше — Сирия, Египет, Малая Азия. Сколько дней понадобится гонцу, чтобы доставить приказ из одного конца империи в другой? Сколько ещё дней пройдёт, прежде чем кто-нибудь исполнит его? А если к тому времени обстоятельства изменятся?

— Тогда придётся послать новый приказ.

— И ещё один. И ещё один. Пока империя будет ждать наших писем, её границы будут ждать врагов.

Он отодвинул карту.

— Мы слишком часто пытались лечить болезнь империи сменой императоров. Одного убивали, другого провозглашали, третьего предавали. Но болезнь оставалась. И каждый новый правитель получал в наследство не государство, а последствия чужих ошибок.

— Ты думаешь, что сможешь изменить это?

Диоклетиан посмотрел на него без раздражения.

— Я думаю, что обязан попытаться.

После ухода офицера он ещё долго не ложился. В памяти возникали лица людей, которых он знал на протяжении военной службы. Одни погибли в сражениях, другие исчезли в дворцовых заговорах, третьи погубили себя собственной жаждой власти. Император не считал себя мудрее всех этих людей. Но он был достаточно опытен, чтобы понимать: государство не может бесконечно зависеть от настроения одного человека, даже если этот человек обладает сильной волей.

На следующий день к нему пришли военачальники.

Разговор начался с обычных докладов. Обсуждали положение войск, состояние дорог, снабжение, поведение провинциальных наместников. Но вскоре один из присутствовавших заговорил о том, что беспокоило многих.

— Государь, Карин был побеждён, но его сторонники ещё не исчезли. В некоторых провинциях сохраняются сомнения относительно твоего права на власть.

— Сомнения исчезают не оттого, что их запрещают произносить, — ответил Диоклетиан.

— Но их можно подавить.

— Можно. Вопрос в том, что останется после подавления.

Другой военачальник вмешался:

— Римская армия должна знать, что у неё есть единый правитель.

— Единый правитель, — произнёс Диоклетиан, — не обязательно означает, что он должен один делать всё.

Присутствующие переглянулись.

— Ты говоришь о разделении власти? — спросил один из них.

— Я говорю о разделении обязанностей. Не путайте одно с другим.

Он поднялся и подошёл к карте.

— Империя слишком велика, чтобы её судьба зависела от того, успеет ли один человек прибыть туда, где его присутствие необходимо. Если я нахожусь на Востоке, кто отвечает за Запад? Если я веду войну на Дунае, кто следит за Рейном? Если я подавляю мятеж в одной провинции, кто удерживает в повиновении другую?

— Ты можешь назначить наместников, — предложил один из военачальников.

— Наместники управляют провинциями. Но когда речь идёт о войске, границах и самой судьбе империи, нужны люди, которым можно доверить не отдельное поручение, а целую часть ответственности.

— И где ты найдёшь таких людей?

Диоклетиан не ответил сразу.

Перед его мысленным взором возник человек, которого он знал давно. Человек суровый, энергичный, не склонный к долгим рассуждениям, но умеющий действовать там, где другие теряли время на сомнения.

Максимian.

Они были знакомы не один год. Их связывала армейская служба, общие походы и та особая близость, которая возникает между людьми, не раз смотревшими в лицо смерти. Но

Диоклетиан понимал: одно дело — доверять человеку в бою, другое — доверить ему власть над половиной империи.

— Есть один человек, — наконец произнёс он.

— Кто?

— Максимian.

В комнате стало тихо.

— Он твой старый товарищ, — заметил кто-то.

— Именно поэтому я знаю его достоинства и недостатки.

— Но он не из тех, кто привык уступать.

— Я тоже, — ответил Диоклетиан.

Несколько человек улыбнулись, однако император не поддержал их веселья.

— Не следует принимать моё решение за награду старому другу. Я не раздаю власть за дружбу. Если Максимian получит её, он должен будет доказать, что способен нести ответственность за государство.

— А если он захочет большего?

Диоклетиан повернулся к собеседнику.

— Тогда мне придётся иметь дело не с другом, а с человеком, забывшим цену доверия.

Он не произнёс этого громко. Но в его голосе было столько твёрдости, что дальнейшие вопросы отпали сами собой.

В тот вечер император приказал подготовить послание Максимiany. Слова в нём были краткими, без излишних украшений. Диоклетиан приглашал старого соратника прибыть к нему для важного разговора.

Когда письмо отправили, он вновь остался один.

Ему предстояло принять решение, которое могло изменить устройство империи. И, возможно, впервые за долгое время он думал не о том, как самому удержать власть, а о том, как сделать так, чтобы государство могло существовать и тогда, когда его собственных сил уже не хватит.

Но он ещё не знал, что самая трудная часть этого замысла будет заключаться не в распределении провинций и не в передвижении легионов. Она будет заключаться в человеческой природе.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ МОЖНО ДОВЕРИТЬ ЗАПАД

Максимian прибыл не как проситель, ожидающий милости, и не как подчинённый, вызванный на доклад. Он появился в лагере с той уверенностью, которая была свойственна людям, привыкшим отвечать за собственные решения. В его походке чувствовалась военная выправка, а лицо человека, много лет проведшего среди солдат, не скрывало ни усталости, ни настороженности.

Диоклетиан встретил его без пышной церемонии.

— Давно не виделись, Максимian.

— Достаточно давно, чтобы ты успел стать императором.

— А ты успел сосчитать, сколько императоров сменилось за последние годы?

Максимian усмехнулся.

— Не все они успели оставить после себя что-нибудь, кроме воспоминаний.

— И не все воспоминания оказались добрыми.

Они обнялись. В этом жесте не было придворной торжественности. Скорее, это было приветствие двух старых военных товарищей, которые ещё помнили времена, когда их имена ничего не значили для сенаторов и провинциальных правителей.

Некоторое время они говорили о знакомых людях, о походах, о старых сослуживцах. Но вскоре Максимian заметил, что Диоклетиан не приглашал его только ради воспоминаний.

— Ты хотел говорить о деле, — сказал он.

— Да.

— Тогда говори.

Диоклетиан предложил ему сесть. На столе лежала карта империи.

— Ты видишь её? — спросил он.

— Я не первый год служу Риму. Мне знакомы эти земли.

— Тогда скажи, что ты видишь.

Максимian посмотрел на карту.

— Слишком много границ. Слишком много врагов. И слишком мало времени у человека, который должен всем этим управлять.

Диоклетиан слегка улыбнулся.

— Именно об этом я и хотел поговорить.

— Ты собираешься разделить империю?

— Нет. Я собираюсь разделить бремя её защиты.

Максимian поднял глаза.

— Продолжай.

— Восток требует постоянного внимания. Персы не отказались от своих притязаний. На Дунае положение остаётся тревожным. Западные провинции нуждаются в сильном военном руководстве. А я не могу находиться одновременно в Никомедии, на Рейне и в Сирии.

— Значит, тебе нужен второй император?

— Мне нужен человек, который сможет действовать от моего имени и не станет ждать каждого приказа издалека.

Максимian некоторое время молчал.

— И ты думаешь обо мне?

— Я не думаю. Я пригласил тебя именно потому, что уже принял решение рассмотреть такую возможность.

— Возможность? — переспросил Максимian. — Ты говоришь со мной так, будто мы обсуждаем назначение командира легиона.

— Командир легиона может потерять легион. Человек, которому доверена власть над провинциями, способен потерять империю.

Максимian откинулся на спинку кресла.

— Ты хочешь доверить мне Запад?

— Да.

— А сам останешься на Востоке?

— Пока обстоятельства требуют именно этого.

— И кто из нас будет главным?

Диоклетиан посмотрел на него внимательно. Он ожидал этого вопроса и не считал его признаком недоверия. Напротив, человек, который соглашался принять огромную ответственность, должен был понимать, какие пределы она имеет.

— Империя останется единой. И верховная власть останется единой. Но твои решения не должны зависеть от того, успеет ли гонец доставить тебе моё одобрение. Ты будешь отвечать за Запад, за его безопасность, за войска и порядок в провинциях. Я рассчитываю на твою самостоятельность.

— А если наши решения разойдутся?

— Тогда мы будем разговаривать.

— А если разговор не поможет?

— Тогда нам придётся вспомнить, ради чего мы вообще начали этот разговор.

Максимian внимательно смотрел на него.

— Ты предлагаешь мне не просто власть. Ты предлагаешь мне доверие.

— Доверие тяжелее власти, Максимian. Власть можно получить. Доверие приходится оправдывать каждый день.

— А если я не справлюсь?

— Тогда это будет моей ошибкой.

Максимian усмехнулся.

— Ты всегда умел брать на себя слишком много.

— А ты всегда умел говорить больше, чем нужно.

Оба рассмеялись. На мгновение напряжение исчезло, но вскоре вновь вернулось.

Максимian подошёл к карте и провёл пальцем по западным областям.

— Галлия, Испания, Британия. Италия. Африка. Ты понимаешь, сколько проблем ждёт меня там?

— Понимаю.

— Варварские племена не станут ждать, пока мы привыкнем к новому порядку. В провинциях есть люди, которые считают себя хозяевами положения. Армия привыкла к тому, что каждый сильный военачальник может однажды стать императором.

— Именно поэтому нам необходимо изменить не только порядок управления, но и само представление о власти.

— Красивые слова, Диоклетиан. Но солдаты не станут сражаться за представление.

— Они станут сражаться за государство, если будут знать, что оно не исчезнет после смерти очередного императора.

Максимian повернулся к нему.

— Ты говоришь о будущем, которого никто из нас не увидит.

— Возможно. Но это не означает, что мы не обязаны о нём думать.

Разговор продолжался долго. Они обсуждали границы, войска, отношения с провинциальной знатью, опасность новых мятежей. Максимian задавал прямые вопросы, порой неприятные, и Диоклетиан отвечал без раздражения. Он не искал удобного собеседника. Ему нужен был человек, способный спорить с ним, но не превращать каждый спор в борьбу за первенство.

Наконец Максимian спросил:

— Когда ты собираешься объявить о своём решении?

— Скоро.

— И какой титул ты мне предложишь?

— Цезарь.

Максимian слегка нахмурился.

— Значит, не Август?

— Пока нет. Я хочу, чтобы ты вошёл в новую систему постепенно. Твоя власть будет реальной, но её положение должно быть ясно всем.

— А мне самому оно будет ясно?

— Я не собираюсь делать вид, будто ты не способен понимать разницу между титулами.

— Тогда скажи прямо: ты хочешь, чтобы я был твоим помощником или преемником?

Диоклетиан не отвёл взгляда.

— Я хочу, чтобы ты был моим соратником в деле спасения империи. А вопрос о преемстве не должен становиться причиной нашего сегодняшнего разговора.

Максимian долго молчал.

Он понимал, что предложение Диоклетиана открывает перед ним путь к огромной власти. Но одновременно оно ставило его в положение, которое могло оказаться унизительным для человека с его характером. Он должен был действовать самостоятельно, но признавать верховенство другого. Он получал широкие полномочия, но не становился равным в полном смысле этого слова.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил он.

— Нет.

— Хорошее начало.

— Я не собираюсь обещать тебе то, чего не могу знать. Но я уверен в другом: если мы продолжим управлять империей так, как управляли ею последние десятилетия, её ждёт ещё один круг междоусобиц.

Максимian посмотрел на карту.

— А если новая система породит новые раздоры?

— Тогда наши потомки будут решать проблемы, которые мы не сумели решить. Но хотя бы мы оставим им попытку, а не очередную груду развалин.

Максимian протянул руку.

— Хорошо. Я принимаю твоё предложение.

Диоклетиан пожал её.

В этом рукопожатии не было торжественного обещания вечной дружбы. Оба слишком хорошо знали жизнь, чтобы верить в такие обещания. Но в тот момент они действительно рассчитывали на совместное дело.

В 285 году Максимian получил титул цезаря и стал ближайшим помощником Диоклетиана в управлении государством. Это было важное изменение, хотя до окончательного оформления новой системы власти оставалось ещё время. Вскоре Максимиану предстояло принять на себя всё большую ответственность за западные области империи, а Диоклетиану — продолжить укрепление восточных рубежей и центральной власти.

Но в тот вечер, когда решение было принято, они ещё не знали, насколько непростым окажется их союз.

Диоклетиан видел в Максимиане человека действия, способного удержать Запад от распада. Максимian же видел в Диоклетиане правителя, который доверил ему огромную власть, но не собирался отказываться от собственного первенства. Между ними пока не было открытого соперничества, однако каждый из них обладал достаточно сильным характером, чтобы однажды поставить под вопрос даже самые прочные договорённости.

Империя получила двух правителей, но ещё не получила ответа на главный вопрос: сможет ли власть, разделённая между двумя людьми, сохранить единство государства, которое столько лет разрывали на части амбиции одного человека за другим?

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЗАПАД, КОТОРЫЙ НЕ ЖДАЛ

Пока Диоклетиан занимался укреплением восточных и дунайских рубежей, на Западе перед Максимианом открывалась совсем другая картина. Здесь Риму угрожали не только племена, переходившие границы, но и люди, которые ещё недавно считали себя подданными империи, платили ей налоги, отдавали сыновей в легионы и теперь всё чаще задавались вопросом, что именно они получают взамен.

Галлия давно перестала быть спокойной окраиной. Её города богатели, дороги связывали провинции, земледельческие области кормили армию и население, но за внешним благополучием накапливалось недовольство. Налоги становились тяжёлым бременем, местные власти не всегда могли защитить жителей, а набеги германских племён превращали жизнь приграничных областей в постоянное ожидание беды.

Именно здесь появились люди, которых римские авторы позднее назовут багаудами.

Кто они были на самом деле? Простые крестьяне, доведённые до отчаяния? Беглые солдаты? Разорившиеся землевладельцы и жители сельских поселений, решившие больше не подчиняться имперским чиновникам? Источники не дают исчерпывающего ответа. Возможно, под этим названием скрывались разные группы, объединённые не столько общей программой, сколько общей неприязнью к существующему порядку.

Весть о беспорядках дошла до Максимилиана, когда он ещё только осваивался с новыми полномочиями.

— Они называют себя защитниками народа, — доложил ему один из командиров.

— От кого защищают?

— От сборщиков налогов, от чиновников, от римской власти. Некоторые утверждают, что больше не признают императора.

— А сами налоги платить перестали?

— Да, государь.

— Значит, они уже решили, что государство им больше ничего не должно, а они государству — тоже.

Командир не стал спорить.

— Их предводители собирают людей. У них есть оружие, и число сторонников растёт.

— Кто ими руководит?

— В донесениях упоминаются Аман и Элиан. Но сведения противоречивы.

Максимиан задумался. Он понимал, что перед ним не обычный военный мятеж. Если бы против него выступил легион, можно было бы определить его численность, расположение, командование. Здесь же противник растворялся среди сельских поселений, появлялся там, где его не ждали, и исчезал прежде, чем римские отряды успевали сомкнуть ряды.

— Сколько войск можно выделить для похода?

— Достаточно, чтобы подавить их.

— Я спросил не о том, сколько нужно для победы. Я спросил, сколько мы можем отправить, не оставив без защиты границу.

Командир назвал число.

Максимилиан выслушал его и приказал готовить выступление. Он не собирался превращать Галльскую провинцию в поле бесконечной войны. Но и позволить вооружённым группам объявлять себя самостоятельной властью не мог.

Перед отправлением он ещё раз принял докладчиков.

— Мне нужны сведения о местных дорогах, поселениях и запасах продовольствия. Не только о вооружённых людях. Узнайте, кто поддерживает восставших и почему. Не всякий, кто оказался рядом с ними, обязательно пришёл туда с оружием.

— Государь, разве это имеет значение? — спросил молодой офицер. — Они выступили против Рима.

— Имеет. Если мы будем считать врагом каждого, кто живёт в деревне, то вскоре врагом станет вся деревня.

Офицер опустил глаза.

Поход оказался менее продолжительным, чем могли опасаться в Риме. Военная подготовка Максимиана, дисциплина легионов и отсутствие у восставших единого сильного командования позволили сравнительно быстро рассеять основные отряды. В источниках эта кампания описана кратко, без подробных рассказов о сражениях. Позднейшие авторы подчёркивали, что Максимилиан сумел подавить движение сравнительно небольшими столкновениями, не превращая его в затяжную войну.

Но за этой краткостью скрывалась человеческая сторона событий, о которой официальные донесения обычно не сообщали.

В одном из селений, через которое проходили римские солдаты, Максимилиан увидел старика, сидевшего у полуразрушенной стены. Рядом стоял мальчик лет двенадцати. Он держал в руках деревянную игрушку, но, заметив воинов, спрятал её за спину.

— Где остальные? — спросил Максимилиан через переводчика.

Старик посмотрел на него.

— Кто?

— Мужчины. Те, кто ушёл к восставшим.

— Одни ушли. Другие погибли. Третьи вернутся, если им будет куда возвращаться.

— Вы поддерживали их?

— Мы поддерживали тех, кто обещал, что нас перестанут обирать.

Максимилиан нахмурился.

— Они обещали вам защиту?

— Они обещали, что мы сами будем решать, кому отдавать хлеб.

— И ты поверил?

Старик посмотрел на опустевший двор.

— Когда человек голоден, он верит даже тому, кто не умеет накормить.

Максимилиан не сразу ответил.

Он мог приказать арестовать старика, потребовать имена, распорядиться о наказании всего поселения. Но перед ним стоял не воин и не предводитель мятежников. Перед ним стоял человек, который потерял слишком многое, чтобы бояться ещё и императорского гнева.

— Если ваши люди сложат оружие, им дадут возможность вернуться к обычной жизни, — сказал он.

— А если они не сложат?

— Тогда с ними будут обращаться как с вооружёнными противниками.

Старик кивнул. Он не поблагодарил Максимиана и не попросил милости. Возможно, он уже давно перестал ждать от власти чего-либо доброго.

Когда военачальник отошёл, сопровождавший его офицер спросил:

— Ты действительно собираешься оставить их без наказания?

— Я собираюсь отличать тех, кто поднял оружие, от тех, кто просто хотел выжить.

— Но если проявить мягкость, другие решат, что им всё позволено.

— А если проявить жестокость, другие решат, что им нечего терять.

Офицер замолчал.

Максимилиан не был человеком, склонным к долгим философским рассуждениям. Он предпочитал решать проблемы действием. Но опыт войны постепенно научил его тому, что победа над вооружённым отрядом ещё не означает победы над причиной, по которой этот отряд появился.

Основные силы багаудов были рассеяны, их сопротивление ослабло. Однако сама Галлия не стала от этого безмятежной. На севере всё чаще поступали тревожные известия о движении германских племён. Разведчики сообщали о переходах через Рейн, о скоплениях вооружённых людей, о разорённых поселениях на противоположном берегу.

Максимиан понял, что ему не дадут долго отдыхать после одной победы.

В тот вечер он получил письмо от Диоклетиана. Оно было коротким. Старший император интересовался положением в Галлии, состоянием войск и дальнейшими намерениями своего соратника.

Максимиан взял перо и начал ответ:

«Беспорядки ослаблены. Но спокойствие ещё не восстановлено. Я полагаю, что главная опасность теперь исходит с другой стороны Рейна…»

Он остановился, перечитал написанное и добавил:

«Люди, которые восстают против власти, могут быть побеждены. Но границы не становятся безопасными только потому, что внутри провинции воцарилась тишина».

Отложив письмо, он подошёл к окну.

За ним темнели поля. Где-то далеко, за дорогами и лесами, начинался мир, который Рим привык называть варварским. Но Максимилиан уже знал: между этим миром и империей не существовало непроходимой стены. Рейн был рекой, а не обещанием вечной безопасности.

И теперь ему предстояло доказать, что доверие Диоклетиана было оправданным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ЗА РЕЙНОМ НЕ БЫЛО ПОКОЯ

Осень 285 года принесла Галлии новые тревоги.

Едва Максимилиан завершил основные действия против багаудов, как с севера и востока пришли сообщения о германских вторжениях. Римские дозорные замечали движение вооружённых отрядов у переправ, жители приграничных поселений покидали дома, а местные чиновники требовали прислать подкрепления.

На этот раз противником были не разрозненные группы недовольных жителей. За Рейном собирались силы, способные нанести удар по римским областям и проверить, насколько прочна оборона новой власти.

Максимилиан вызвал командиров пограничных частей.

— Что известно о численности противника?

— Точных данных нет, государь. Разведчики говорят о нескольких больших группах.

— Какие племена?

— Среди них называют алеманнов. Но сведения о составе отрядов пока неполные.

— Они уже перешли реку?

— Некоторые отряды, по всей вероятности, да.

Максимиан подошёл к карте.

— Почему мы узнали об этом так поздно?

— Разведка не смогла установить, где именно они собираются перейти.

— Значит, нам придётся исправить работу разведки.

Он приказал усилить наблюдение за переправами, проверить состояние укреплений и собрать подвижные отряды, способные быстро перемещаться вдоль границы. Затем обратился к одному из командиров:

— Мне нужны не только сведения о том, где противник находится сегодня. Я хочу знать, куда он может направиться завтра.

— Это трудно предсказать.

— Тогда выясни, что он может захватить, если мы ошибёмся.

Война на границе редко начиналась с громкого объявления. Чаще всего она приходила ночью, когда жители ещё спали, а первые тревожные вести опережали римские подразделения всего на несколько часов. Максимилиан понимал, что не может позволить себе действовать медленно.

Вскоре его войска вступили в столкновение с германскими отрядами. Подробности отдельных боёв сохранились плохо, и позднейшие описания больше прославляли победителя, чем рассказывали о реальном ходе кампании. Но результат известен: Максимилиан сумел отразить вторжение и укрепить положение римлян в Галлии.

Война, однако, не закончилась одной победой.

Германские племена не представляли собой единой армии с постоянным командованием. Одни группы отступали, другие появлялись на новых участках границы. Иногда они искали добычу, иногда стремились закрепиться на римской территории, а порой просто использовали слабость пограничных гарнизонов.

Максимилиан решил не ограничиваться обороной.

Когда разведчики сообщили, что часть противника отступила за Рейн, он собрал военный совет.

— Мы можем вернуть войска в укрепления и ждать следующего нападения, — сказал один из командиров.

— И сколько раз мы будем это делать?

— Пока они не перестанут переходить реку.

— Они не перестанут, если будут уверены, что каждый раз могут уйти безнаказанными.

Другой военачальник возразил:

— Переход на ту сторону опасен. Мы окажемся вдали от своих укреплений.

— Я знаю, где мы окажемся, — ответил Максимиан. — Вопрос в том, что увидят те, кто привык считать Рейн дорогой для набегов, а не границей, которую защищает Рим.

Он приказал подготовить переправу.

Переход через реку стал важным эпизодом кампании. Римские войска вступили на территорию за Рейном, нанеся противнику ответный удар. Источники позднее превратили этот поход в свидетельство восстановленной мощи империи. Один из панегиристов, обращаясь к Максимиану, с гордостью заявлял, что за Рейном теперь всё, куда ни взгляни, принадлежит Риму. Это было красноречивое преувеличение, но за ним стояло реальное событие: римляне вновь показали, что способны не только защищать свои земли, но и переносить войну за пределы имперской границы.

Вечером после возвращения к основному лагерю Максимилиан встретился с одним из ветеранов, который попросил разрешения поговорить с ним.

— Говори, — сказал император.

— Я служил ещё при прежних правителях. Мы много раз переходили Рейн. Иногда возвращались с добычей, иногда — с пустыми руками. Но теперь я хочу спросить: зачем нам снова идти туда?

Максимиан внимательно посмотрел на него.

— Чтобы они не приходили сюда.

— А если придут снова?

— Тогда мы снова будем их останавливать.

Ветеран усмехнулся.

— Значит, война никогда не кончится?

— Я не обещал тебе вечного мира.

— А что ты можешь обещать?

Максимиан некоторое время молчал.

— Что мы не станем отдавать врагу наши земли только потому, что устали их защищать.

Ветеран поклонился и отошёл.

Максимилиан остался у карты. Он понимал, что даже успешная кампания не решает всех проблем. Рим мог выиграть сражение, перейти реку, разрушить вражеский лагерь, заставить противника отступить. Но если империя не сумеет обеспечить безопасность своих провинций, новые набеги будут повторяться.

И всё же теперь он чувствовал, что начинает оправдывать доверие Диоклетиана. Его войска действовали, граница удерживалась, а имя нового цезаря постепенно становилось известным не только в римских лагерях, но и среди тех, кто жил за пределами империи.

В это же время Диоклетиан занимался укреплением положения на Дунае. Император не собирался оставлять восточные и северо-восточные рубежи без внимания. Сведения о передвижениях сарматских племён требовали от него постоянной готовности к военным действиям. Таким образом, два правителя решали разные, но связанные задачи: Максимилиан защищал Галлию и Рейн, Диоклетиан — дунайские провинции и восточные владения.

Империя впервые за долгое время получала возможность отвечать на угрозы не одним запоздалым приказом из далёкого дворца, а действиями правителей, находившихся ближе к месту событий.

Но именно здесь обнаруживалась и другая сторона нового порядка. Чем самостоятельнее становился Максимиан, тем больше зависело от его решений. Чем успешнее он действовал, тем сильнее становилась его личная власть. Диоклетиан мог доверять ему, но не мог забывать, что Рим уже не раз видел, как верный полководец превращался в соперника своего покровителя.

Пока между ними сохранялось согласие. Однако в самой природе созданного ими союза уже таилась будущая трудность: как сохранить единство империи, если её безопасность всё больше зависит от двух сильных людей, каждый из которых привык самостоятельно распоряжаться судьбой войск и провинций?

Максимилиан ещё не знал, что вскоре ему придётся столкнуться с человеком, чья служба Риму окажется не менее опасной, чем открытое вторжение германских племён. А Диоклетиану предстояло понять, что иногда самый серьёзный удар по империи приходит не с внешней границы, а изнутри её собственной системы власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ЧИТАТЬ МОРЕ

В римских донесениях море обычно появлялось как пространство между землями, по которому двигались корабли, доставлялись припасы и перевозились легионы. Но для жителей северного побережья Галлии оно было совсем другим миром. Оно кормило рыбаков, связывало торговые города, приносило богатство и одновременно угрожало внезапной гибелью.

В последние годы морские разбойники всё чаще появлялись в водах Ла-Манша и Северного моря. Франкские отряды использовали быстрые суда, высаживались на побережье, грабили поселения и торговые корабли. Они не стремились завоевать римские провинции. Их интересовали добыча, пленники и возможность беспрепятственно уйти обратно за море.

Для Рима это становилось серьёзной проблемой. Береговая охрана не справлялась, а сухопутные легионы не могли постоянно находиться у каждой бухты и каждой переправы.

Максимиан понимал, что ему необходим человек, который знает море не по картам и военным донесениям.

Такой человек нашёлся.

Его звали Караузий.

Он происходил из Менапии — области на побережье северной Галлии, где люди с детства привыкали к ветрам, приливам и опасным переходам. О его ранней жизни известно немного. Поздние античные авторы сообщали, что происхождение его было скромным и что прежде военной карьеры он занимался морским делом. Возможно, именно этот опыт помог ему впоследствии подняться до высокого военного положения.

Караузий не был похож на тех военачальников, которые привыкли производить впечатление громкими речами. Он говорил спокойно, внимательно слушал собеседника и редко обещал то, в чём не был уверен.

Когда его пригласили к Максимиану, он прибыл без свиты, состоявшей из многочисленных поклонников, и без желания заранее угадать, какое решение уже принято императором.

— Ты знаешь эти воды? — спросил Максимиан, указав на карту побережья.

— Знаю, государь.

— Настолько хорошо, чтобы отличить безопасную бухту от ловушки?

— Если мне позволят увидеть её собственными глазами.

Максимиан поднял голову.

— А если я попрошу тебя определить опасность по донесениям?

— Тогда я попрошу прислать мне человека, который составлял донесение.

— Почему?

— Потому что море не всегда выглядит так, как его описывают на суше.

Максимиан впервые за разговор улыбнулся.

— Говорят, ты умеешь управлять кораблями.

— Я умею понимать, чего от них можно требовать.

— А от людей?

— От людей труднее. Корабль хотя бы не обещает тебе верности.

Максимиан рассмеялся, но тут же стал серьёзен.

— На побережье неспокойно. Разбойники нападают на торговые суда, разоряют поселения, уводят людей. Мне нужен человек, который очистит эти воды.

— Сколько кораблей мне дадут?

— Столько, сколько потребуется для выполнения задачи, в пределах того, что мы можем собрать.

— А полномочия?

— Достаточные, чтобы ты не мог оправдывать бездействие отсутствием приказа.

Караузий некоторое время изучал карту.

— Если мы будем только охранять побережье, они продолжат уходить от нас. Нужно не просто ждать их появления. Надо знать, где они собираются, откуда выходят и куда возвращаются.

— Ты предлагаешь преследовать их?

— Я предлагаю лишить их уверенности, что море принадлежит им.

Максимиан откинулся в кресле.

— Хорошо. Тебе поручат подготовку флота и борьбу с морскими разбойниками. Главная база будет находиться в Бононии, нынешнем Булони. Оттуда ты сможешь действовать вдоль северного побережья Галлии.

— Я понял.

— И ещё, Караузий.

— Слушаю, государь.

— Мне нужны победы. Но не такие, после которых победитель становится богаче императора.

Караузий посмотрел на него.

— Если я буду побеждать, государь, значит, буду получать добычу.

— Добыча принадлежит государству.

— Разумеется.

— Я хочу, чтобы ты это помнил.

— Я не забываю приказов.

Максимиан задержал на нём взгляд. Ответ показался ему вполне удовлетворительным, хотя позднее он не раз будет вспоминать этот разговор.

Караузий получил необходимые полномочия и приступил к делу.

Он быстро обнаружил, что борьба с морскими разбойниками требует совсем иной организации, чем обычная сухопутная кампания. Нужно было собирать сведения от рыбаков и торговцев, следить за перемещениями судов, знать особенности течений и ветров, учитывать время приливов. Ошибка в несколько часов могла стоить целого корабля.

Он внимательно изучал побережье, посещал гавани, разговаривал с капитанами и постепенно создавал собственную сеть осведомителей.

Однажды, осматривая прибывшее торговое судно, он заметил на борту повреждения.

— Когда напали? — спросил он капитана.

— Три дня назад.

— Сколько было кораблей?

— Четыре.

— Откуда пришли?

— С северо-востока.

— А куда ушли?

Капитан указал рукой в сторону открытого моря.

Караузий посмотрел на него с недоверием.

— Ты видел их после нападения?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, куда они ушли?

— Все так говорят.

Караузий ничего не ответил. Он понимал, что слухи часто оказываются опаснее незнания. Человек, который не видел противника, легко придумывает ему направление, численность и намерения.

— В следующий раз, когда увидишь их, не пытайся угадать, куда они направятся. Запомни, откуда пришли, сколько их было и какие у них корабли. Это принесёт больше пользы, чем десять рассказов о том, что они якобы сделали.

Постепенно действия Караузия стали приносить результаты. Его корабли перехватывали разбойничьи суда, уничтожали отдельные группы и возвращали часть захваченного имущества. Он знал, что противник привык чувствовать себя хозяином моря, и стремился разрушить эту уверенность.

Но вместе с победами росло и его влияние.

Моряки уважали его. Купцы видели в нём человека, который способен защитить их интересы. Военные командиры постепенно привыкали обращаться к нему как к самостоятельному хозяину побережья. Он распоряжался кораблями, людьми, припасами и значительными средствами.

Для Рима это было полезно.

Для самого Караузия — ещё полезнее.

Он быстро понял, что власть на море может быть не менее значительной, чем власть над провинцией. Человек, контролирующий переправы и торговые пути, способен влиять на судьбу городов, армий и даже императоров.

И чем успешнее становились его действия, тем меньше он чувствовал себя простым исполнителем чужих приказов.

Однажды его помощник, наблюдавший за разгрузкой захваченных кораблей, заметил:

— Тебя теперь знают во всех портах.

— Это хорошо, — ответил Караузий.

— Люди говорят, что без тебя торговля давно бы остановилась.

— Люди любят преувеличивать.

— А ты?

Караузий посмотрел на море.

— Я предпочитаю, чтобы они продолжали говорить.

Он не произнёс ничего больше, но помощник заметил, что на лице его появилась улыбка.

Победы, которые должны были укрепить власть Максимиана, постепенно создавали другого человека — человека, который всё меньше нуждался в чужом признании.

И пока император считал, что получил надёжного исполнителя, Караузий уже начинал понимать, насколько далеко могут завести его собственные возможности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ДОБЫЧА, КОТОРАЯ СТАЛА ОПАСНОЙ

В Риме и в военных лагерях новости о морских победах Караузия воспринимали с удовлетворением. Торговые суда снова могли выходить в море, прибрежные поселения постепенно возвращались к обычной жизни, а разбойничьи отряды уже не чувствовали себя безнаказанными.

Однако вместе с донесениями о победах стали поступать и другие сведения.

Говорили, что Караузий не всегда возвращает захваченную добычу прежним владельцам. Часть имущества будто бы оседает у него и его людей. Некоторые торговцы утверждали, что командующий флотом слишком охотно принимает вознаграждения. Другие намекали, что он иногда позволяет разбойникам беспрепятственно совершать нападения, чтобы затем перехватить их на обратном пути и завладеть награбленным.

Насколько эти обвинения соответствовали действительности, установить было трудно. Дошедшие до нас свидетельства передают прежде всего версию, сложившуюся в окружении императорской власти. Но сам факт подозрений и последующего конфликта сомнений не вызывает.

Максимиан получил одно из таких донесений поздним вечером.

Он прочитал его дважды и положил на стол.

— Кто принёс?

— Посланник из Галлии, государь.

— Где он?

— Ожидает приказа.

— Пусть войдёт.

В помещение вошёл пожилой чиновник. Он выглядел усталым и явно не желал оказаться между императором и его военачальником.

— Ты проверил сведения? — спросил Максимиан.

— Насколько позволяли обстоятельства, государь.

— Это не ответ.

— Некоторые торговцы подтверждают, что не получили обратно своё имущество. Другие говорят, что Караузий удерживает часть добычи под предлогом расходов на флот.

— А сами разбойники?

— Их корабли действительно были уничтожены или захвачены. Но есть основания полагать, что отдельным отрядам позволяли уйти.

Максимиан нахмурился.

— Зачем?

— Чтобы перехватить их позже, когда они будут возвращаться с добычей.

— Иными словами, он превращает борьбу с разбойниками в способ обогащения?

Чиновник осторожно опустил голову.

— Так утверждают некоторые свидетели.

Максимиан поднялся и прошёлся по комнате.

Он не любил доносчиков, но ещё меньше любил командиров, которые начинали считать государственные полномочия личной собственностью.

— Караузий должен был защищать море, а не создавать собственную казну.

— Возможно, он считает, что заслужил вознаграждение.

— Вознаграждение назначает император. А не тот, кто сам решает, сколько ему причитается.

Чиновник промолчал.

Максимиан приказал собрать дополнительные сведения и направить людей, которым можно было доверять. Он не хотел принимать решение на основании одного подозрения. Но чем больше поступало сообщений, тем тревожнее становилась картина.

Караузий действительно становился слишком богатым для человека, чья власть основывалась на военном поручении. Его корабли были преданы ему, его люди получали щедрые вознаграждения, а местные торговцы всё чаще искали его расположения.

Через некоторое время к Максимиану поступило новое донесение. На этот раз сведения о финансовых злоупотреблениях сопровождались сообщениями о растущем влиянии Караузия среди военных.

Император долго молчал.

— Он забыл, кому служит, — произнёс наконец Максимиан.

Один из приближённых осторожно заметил:

— Возможно, он просто слишком хорошо воспользовался предоставленными полномочиями.

— Власть всегда проверяет человека. Особенно тогда, когда ему кажется, что никто не способен его проверить.

— Что ты намерен предпринять?

Максимиан посмотрел на донесение.

— Его необходимо отстранить.

— А если он откажется?

— Тогда он перестанет быть командиром, которому поручили защиту государства, и станет врагом государства.

Решение было принято. По традиционной версии событий, Максимиан распорядился казнить Караузия. Однако тот получил предупреждение о грозящей опасности раньше, чем приказ удалось исполнить.

Весть достигла его на побережье.

Караузий находился в одном из военных помещений, когда помощник вошёл без обычного доклада.

— Что случилось?

— Государь приказал твою казнь.

Караузий не сразу ответил.

— Кто передал приказ?

— Люди Максимиана. Они уже направили своих представителей.

— Где они?

— В пути.

Караузий медленно поднялся.

— Значит, время у нас есть.

Помощник смотрел на него с тревогой.

— Ты можешь отправиться к императору и объясниться.

— Объясниться? — переспросил Караузий. — Ты думаешь, Максимиан посылает людей с приказом о казни, чтобы выслушать мои объяснения?

— Возможно, обвинения ложны.

— Возможно. Но приказ уже существует.

— Тогда что ты намерен делать?

Караузий подошёл к окну. В гавани стояли корабли, которые он сам помог собрать и организовать. На палубах находились люди, обязанные ему своей службой, а некоторые — и богатством.

Он понимал, что без флота его жизнь почти ничего не стоит. Но с флотом у него оставался выбор.

— Собери командиров, — сказал он.

— Всех?

— Тех, кому я доверяю.

— И что им сказать?

Караузий повернулся.

— Что император решил избавиться от человека, который защищал его побережье. И что теперь каждый из нас должен решить, кому он служит.

— А если они не поддержат тебя?

— Тогда я узнаю это раньше, чем придут за моей головой.

Совет состоялся ночью. Караузий говорил спокойно, не пытался скрыть опасность и не обещал людям лёгкой победы. Он напомнил им о походах, о захваченных кораблях, о наградах, которые они получали, и о том, что теперь все они могут оказаться под обвинением вместе с ним.

Но он говорил и о другом.

— Мы удерживали море, когда другие не могли этого сделать. Мы рисковали жизнью, чтобы защитить торговлю и побережье. А теперь нас хотят уничтожить по приказу человека, который не видел ни одной из наших битв.

Один из командиров возразил:

— Максимиан — император. Мы присягали Риму.

— Рим — это не только один человек, — ответил Караузий. — И если император требует нашей смерти, не желая даже выслушать нас, то кто именно предал Рим?

— Ты предлагаешь поднять мятеж?

Караузий не отвёл взгляда.

— Я предлагаю не позволить казнить нас по чужому приказу.

Это был опасный момент. Он ещё мог попытаться спастись бегством, но понимал, что за ним будут преследовать. Он мог сдаться и надеяться на милость, но после приказа о казни такая надежда казалась почти безрассудной.

Оставался третий путь.

Восстание.

Караузий обратил флот против императорской власти и сумел привлечь на свою сторону значительную часть военных сил. В конце 286-го или в начале 287 года он провозгласил себя императором. Его власть распространилась на Британию и некоторые области северной Галлии.

Так человек, которому Максимиан доверил защиту морских рубежей, стал соперником двух римских августов — Максимиана и Диоклетиана.

Когда известие дошло до императорского двора, Максимиан долго не произносил ни слова.

— Он увёл флот? — спросил он наконец.

— Да, государь.

— И Британия признала его?

— По поступившим сведениям, значительная часть острова перешла на его сторону.

Максимиан сжал край стола.

— Значит, он решил, что может стать императором.

— Он контролирует корабли и располагает поддержкой войск.

— А мы располагаем империей, — резко ответил Максимиан. — И всё же позволили одному человеку превратить наше поручение в собственное государство.

Он подошёл к карте и посмотрел на противоположный берег Ла-Манша.

Теперь перед ним стояла задача, с которой нельзя было справиться обычным походом. Караузий контролировал флот, знал морские пути и располагал силами, которые могли помешать любой попытке переправы.

Максимиан понимал, что допустил ошибку. Но он не собирался признавать поражение.

В тот же день он направил сообщение Диоклетиану. В нём сообщалось о мятеже, потере контроля над частью побережья и необходимости подготовить силы для восстановления императорской власти.

Диоклетиан прочитал письмо и долго смотрел на него.

Ещё совсем недавно он рассуждал о том, что государство должно быть сильнее отдельного человека. Теперь перед ним возникло доказательство обратной стороны этой истины: человек, которому государство доверило слишком многое, сумел обратить доверие против самого государства.

Караузий не просто поднял мятеж. Он показал, что империя ещё не научилась защищаться от собственных слуг.

И это беспокоило Диоклетиана гораздо сильнее, чем потеря нескольких провинций.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ИМПЕРИЯ, КОТОРОЙ ПРИШЛОСЬ ОСТАНОВИТЬСЯ У БЕРЕГА

Первые донесения о мятеже Караузия вызвали в окружении Максимиана недоумение, которое быстро сменилось раздражением. Никто не ожидал, что командующий, получивший полномочия для защиты морских границ, решится обратить свои корабли против императора. Ещё недавно его имя связывали с победами над пиратами, теперь оно произносилось рядом со словами «узурпатор» и «враг государства».

Максимиан не скрывал гнева. Он принимал доклады, задавал короткие вопросы и требовал немедленных решений. Но чем больше он узнавал, тем яснее становилось: перед ним не обычный мятежный отряд, который можно окружить и уничтожить.

Караузий располагал флотом. Он знал побережье, располагал опытными моряками и мог перебрасывать силы между Британией и континентом. Его люди контролировали важные порты и переправы, а сам он успел создать вокруг себя круг сторонников, заинтересованных в сохранении нового порядка.

— Мы должны немедленно переправить войска в Британию, — предложил один из военачальников.

— На каких кораблях? — спросил Максимиан.

— Можно собрать транспортные суда.

— А кто обеспечит их безопасность?

— Наши корабли сопровождения.

Максимиан посмотрел на него с нескрываемым недовольством.

— Ты предлагаешь отправить флот против человека, который командовал этим флотом и знает каждую его слабость?

— Но если мы ничего не предпримем, он укрепится.

— Я не собираюсь бездействовать. Я собираюсь понять, что именно мы можем предпринять.

Он подошёл к карте Ла-Манша. Узкая полоса воды между Галлией и Британией казалась незначительной на огромной карте империи. Но теперь именно она превращалась в преграду, которую не удавалось преодолеть.

— Сколько кораблей мы можем собрать? — спросил он.

— Достаточно для перевозки нескольких легионных подразделений.

— А сколько кораблей способен выставить Караузий?

— Точного числа нет.

— Значит, мы снова собираемся воевать, не зная сил противника.

Один из советников осторожно заметил:

— Государь, нельзя позволять узурпатору чувствовать себя равным тебе.

Максимиан резко повернулся.

— Я не собираюсь позволять ему ничего. Но я не стану отправлять тысячи людей на гибель только ради того, чтобы доказать собственное достоинство.

На некоторое время в помещении воцарилась тишина.

Вскоре была предпринята попытка организовать переправу. Однако действия римлян не принесли ожидаемого результата. Морская обстановка складывалась в пользу Караузия, а его противники не располагали достаточным опытом, чтобы уверенно действовать в водах Ла-Манша. Попытки силой вернуть контроль над проливом наталкивались на сопротивление флота узурпатора.

Максимиан вынужден был признать, что быстрой победы не будет.

Это признание далось ему нелегко.

Он привык к сухопутной войне, где результат зависел от дисциплины, численности, снабжения и умения командующего выбрать место сражения. На море всё выглядело иначе. Ветер

мог изменить планы, течение — сорвать манёвр, а корабль, появившийся на горизонте, мог оказаться как торговым судном, так и частью вражеской эскадры.

Караузий пользовался этим преимуществом. Он не стремился каждый раз вступать в открытое сражение. Ему было достаточно сохранять контроль над морскими путями и демонстрировать, что императорские войска не могут беспрепятственно приблизиться к Британии.

Тем временем Диоклетиан получал всё новые сообщения.

Он не спешил обвинять Максимиана. Тот действовал в сложных условиях и столкнулся с противником, которого сам когда-то сделал сильным. Но Диоклетиан видел более серьёзную проблему: если Караузий останется безнаказанным, другие военачальники могут решить, что императорская власть не является неприкосновенной.

— Он удерживает Британию? — спросил Диоклетиан у своего советника.

— Да, государь. И его влияние распространяется на часть Галлии.

— А что говорят о его правлении?

— Он старается показать себя защитником торговли и порядка. В некоторых городах его принимают благосклонно.

Диоклетиан медленно поднял голову.

— Значит, он не только воюет против нас. Он пытается доказать, что способен управлять.

— Именно так.

— Это опаснее, чем простой мятеж.

Советник не стал возражать.

Диоклетиан понимал: Караузий не мог бы удерживать власть одним страхом. Ему требовалась поддержка людей, которые видели в нём не только военачальника, но и правителя, способного обеспечить безопасность и предсказуемость. Если узурпатор сумеет превратить временную военную удачу в устойчивую власть, его будет гораздо труднее устранить.

— Передай Максимиану, — сказал Диоклетиан, — что мы не должны торопиться с новой переправой. Пусть укрепит побережье и не позволит Караузию расширять свои владения. Нам необходимо время.

— А если он воспримет это как приказ отступить?

— Пусть воспримет как приказ не совершать ошибок, которых противник только и ждёт.

Диоклетиан снова посмотрел на карту.

Он не сомневался, что Караузий рано или поздно станет предметом новой кампании. Но прежде требовалось укрепить саму империю. Нельзя было позволить одному мятежу отвлечь все силы от других границ, где тоже назревали опасные события.

На востоке сохранялась напряжённость в отношениях с Персией. На Дунае требовалось постоянное присутствие войск. Внутри провинций оставались нерешённые проблемы управления и сбора налогов. Империя не могла сосредоточить все ресурсы на одном проливе.

И всё же Диоклетиан не собирался мириться с существованием независимого правителя в Британии.

— Он думает, что море защищает его, — произнёс император, когда остался один. — Но море защищает только тех, кто умеет им пользоваться. А государство должно уметь ждать.

Это была не капитуляция. Это было решение отложить прямое столкновение до того момента, когда Рим сможет нанести удар на более выгодных условиях.

Караузий же, вероятно, считал, что одержал крупную победу. Он удержал флот, сохранил Британию и заставил двух императоров отказаться от немедленного вторжения. Но именно теперь ему предстояло решить, что делать с полученной властью.

Сохранить её было не менее трудно, чем завоевать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК ДИОКЛЕТИАНА

Война с Караузием заставила Диоклетиана ещё раз задуматься о том, чего не хватало империи. Он уже доверил Максимиану значительную часть западных дел, но теперь становилось ясно: одной этой меры недостаточно. Даже два правителя не могли одновременно находиться во всех местах, где требовалось их присутствие.

Положение осложнялось тем, что Максимиан был занят западными проблемами, а Диоклетиан не мог оставить без внимания восточные провинции и дунайские рубежи.

Империи требовались новые люди — не просто военачальники, а государственные деятели, способные получить широкие полномочия и действовать от имени верховной власти.

Внимание Диоклетиана всё чаще обращалось к одному человеку.

Его звали Констанций.

Позднее его станут называть Констанцием Хлором. Он был опытным военным, происходил из Иллирика и уже успел проявить себя на службе империи. Его карьера не была столь громкой, как карьера некоторых прославленных полководцев, но Диоклетиан ценил в нём именно то, что часто оказывалось важнее военной славы: выдержку, дисциплину и способность выполнять сложные поручения без постоянного напоминания о собственной значимости.

Однажды, принимая доклады о положении в западных провинциях, Диоклетиан спросил одного из приближённых:

— Что ты знаешь о Констанции?

— Он служил в армии, участвовал в походах, занимал различные должности. Его считают способным командиром.

— Способных командиров у нас достаточно. Как он ведёт себя, когда получает приказ, с которым не согласен?

— Не могу сказать, государь.

— А когда его решение оказывается ошибочным?

— По отзывам, он не склонен перекладывать ответственность на других.

Диоклетиан кивнул.

— Это уже интереснее.

— Ты собираешься поручить ему важное дело?

— Возможно, даже более важное, чем он сам предполагает.

Император не спешил раскрывать свои планы. Он привык наблюдать за людьми, прежде чем доверять им власть. В Констанции его привлекало отсутствие чрезмерной амбициозности, хотя он прекрасно понимал: скромность в поведении ещё не гарантирует скромности намерений.

Вскоре Констанций был приглашён ко двору.

Он вошёл без показной торжественности и приветствовал императора согласно установленному порядку.

— Ты хотел меня видеть, государь?

— Да. Садись.

Констанций занял предложенное место.

— Ты давно служишь Риму, — начал Диоклетиан.

— Столько, сколько мне позволяли обстоятельства.

— И что ты думаешь о нынешнем положении империи?

— Она сильна, но слишком часто вынуждена защищаться от последствий собственных ошибок.

Диоклетиан внимательно посмотрел на него.

— Объясни.

— Враги за границами видят наши слабости. Но они не создают их. Многие из этих слабостей возникают внутри провинций: из-за плохого управления, чрезмерных поборов, соперничества военачальников и отсутствия уверенности в завтрашнем дне.

— Ты считаешь, что империи нужны реформы?

— Я считаю, что ей нужно научиться сохранять порядок не только тогда, когда рядом находится сильный полководец.

Диоклетиан слегка улыбнулся.

— Ты говоришь почти теми же словами, что и я.

— Возможно, потому, что проблема одна и та же.

Некоторое время они молчали.

— Ты знаешь Максимиана? — спросил император.

— Знаю по службе.

— Что можешь сказать о нём?

— Он решителен, умеет командовать и не боится ответственности.

— А его недостатки?

Констанций осторожно подбирал слова.

— Иногда решительность заставляет его действовать быстрее, чем позволяют обстоятельства.

— Это мягкая формулировка.

— Я не хотел бы судить человека, которому не служил непосредственно.

Диоклетиан кивнул. Ему понравился ответ.

— А Караузий?

— Он был полезен империи, пока служил ей. Теперь он опасен.

— Почему?

— Потому что знает наши возможности и наши слабости. И потому что его поддерживают люди, которые получают от его власти выгоду.

Диоклетиан поднялся и подошёл к карте.

— Ты понимаешь, что я хочу от тебя?

— Пока нет, государь.

— Хорошо. Значит, ты не пытаешься угадать ответ прежде, чем услышал вопрос.

Он указал на западные провинции.

— Там слишком много задач. Британия отделилась от имперской власти. Галлия нуждается в защите. Максимиан не может бесконечно находиться в нескольких местах одновременно. Я намерен поручить тебе важную часть этой работы.

Констанций не ответил сразу.

— Ты хочешь, чтобы я отправился на Запад?

— Да.

— Под командование Максимиана?

— Ты будешь действовать в рамках общей системы власти, которую мы создаём. Но я не собираюсь превращать тебя в человека, который только передаёт чужие распоряжения.

— А если возникнет разногласие между мной и Максимианом?

Диоклетиан посмотрел на него с интересом.

— Ты задаёшь правильные вопросы.

— Я не хочу получить поручение, которое окажется невозможным из-за неясности полномочий.

— Именно поэтому мы и должны обсудить их заранее.

Разговор продолжался ещё долго. Диоклетиан объяснял Констанцию положение западных провинций, необходимость укрепления границ и опасность дальнейшего усиления Караузия. Он не обещал лёгкой службы и не скрывал, что новое поручение может привести к тяжёлой войне.

— Я не обещаю тебе спокойствия, — сказал император.

— Я не искал спокойствия, государь.

— И не обещаю, что все будут довольны твоими решениями.

— Если я буду пытаться угодить каждому, то не смогу выполнить ни одного приказа.

Диоклетиан посмотрел на него внимательно.

— Возможно, именно поэтому я и решил поговорить с тобой.

Вскоре Констанций получил всё более значительную роль в западных делах. Его дальнейшая карьера будет связана с противостоянием Караузию, а позднее он станет одним из ключевых участников новой императорской системы.

Но пока Диоклетиан видел в нём прежде всего человека, которому можно поручить работу, не требующую постоянного надзора.

И здесь возникала ещё одна задача.

Констанций был связан личными отношениями с Еленой, женщиной, которая родила ему сына. Позднее этот сын станет известен всему миру под именем Константина. Однако обстоятельства их союза, его юридический статус и точное время расставания остаются предметом исторических споров.

В дальнейшем Констанцию предстоит вступить в династический союз, который укрепит его положение в новой системе власти. Но это решение окажется связано не только с политикой, но и с судьбами людей, которым придётся расплачиваться за расчёты императоров.

Диоклетиан ещё не знал, что однажды имя сына Констанция станет гораздо громче имени его отца. Пока же перед ним стоял опытный военный, которому предстояло пройти собственный путь от служилого человека до одного из правителей Римской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.